

Бахарев Дмитрий Вадимович,
*профессор кафедры публичного права
Пермского института ФСИН России,
профессор кафедры истории и права
Шадринского государственного
педагогического университета,
доктор юридических наук, доцент
demetr79@mail.ru*

УДК 343.931

**ИОСИФ СОЛОМОНОВИЧ НОЙ (1923–1997) —
"ENFANT TERRIBLE" СОВЕТСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ?
ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Аннотация. Столетний юбилей со дня рождения И. С. Ноя — известного советского специалиста в области уголовного права и криминологии — дает повод вспомнить несколько теоретических тезисов, так или иначе вытекающих из работ или самого профессора Ноя, или его идейных противников, прочно укоренившихся в отечественной криминологической литературе. Однако сегодня имеется возможность взглянуть на них с принципиально иных позиций и скорректировать уже устоявшиеся представления, в частности: о значимости идей уголовно-антропологического направления в становлении российской криминологической доктрины и практики; о причинах ликвидации (реорганизации) научных учреждений криминологического профиля в нач. 1930-х гг. и свертывания исследований в данной области; о роли профессора Ноя в разработке теории т. н. «генетической» предрасположенности человека к совершению преступлений и, наконец, о якобы имевшем место отторжении взглядов И. С. Ноя подавляющим большинством ведущих советских криминологов.

Ключевые слова: И. С. Ной, преступность, криминальная антропология, Ломброзо, раннесоветская криминология, генетика.

Так сложилось, что сегодня не только студентам, но и многим молодым, начинающим ученым имя Иосифа Соломоновича Ноя (1923–1997) практически ничего не говорит. А вот старшее и среднее поколение представителей наук криминального цикла хорошо помнит, что в 70–80 гг. прошлого столетия это была скандальная, практически одиозная фигура. И даже в некоторых современных учебниках профессор Ной упоминается в качестве исследователя, имевшего склонность к гиперболизации биологических факторов в генезисе преступного поведения. А свои взгляды он отстаивал в ожесточенном, затянувшемся на долгие годы споре с А. А. Герцензоном, И. И. Карпечом, В. Н. Кудрявцевым и др. видными и статусными советскими криминологами, чья позиция, в конечном счете, и возоблада¹.

Поэтому сейчас, в год столетнего юбилея этого человека, когда и сам спор давно утих, и его участники уже ушли из жизни, пожалуй, настало подходящее время ответить на вопрос: а изменилось ли наше теперешнее восприятие тех событий и взглядов обеих сторон конфликта? Часто говорят, что время расставляет все на свои места, поэтому интересен был бы даже краткий обзор нашего сегодняшнего видения тех вопросов, при обсуждении которых полвека назад было сломано столько копий.

Вряд ли имеет смысл останавливаться подробно на биографии профессора Ноя (она есть в Интернете, кроме того опубликованы и воспоминания некоторых его учеников и коллег²), а также на хронологии и деталях его споров с оппонентами, поскольку эта работа была уже проведена нами ранее³.

¹ См., напр.: Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. Кн. 3. Москва, 2023. С. 56–58.

² См., напр.: Даурова Т.Г. Ной Иосиф Соломонович: Человек, Ученый, Гражданин (к 85-летию со дня рождения) // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 34–47; Милюков С. Ф. Ной, не Ной, а работать надо! (к 90-летию Иосифа Соломоновича Ноя) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1(28). С. 42–46.

³ См.: Бахарев Д. В. «Биологическое vs социальное» — реальная или мнимая дилемма отечественной криминологии? (К юбилею книги Н. П. Дубинина, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева «Генетика, поведение, ответственность») // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4. С. 11–12.

При этом мы сформулировали ряд тезисов, так или иначе вытекающих из работ или самого И. С. Ноя, или, по большей части, его идейных противников, прочно укоренившихся в отечественной учебной и даже научной литературе. Однако, как нам кажется, сегодня эти утверждения можно попытаться рассмотреть с принципиально иных позиций, учитывая имеющиеся сегодня в нашем распоряжении факты и аналитику.

Тезис № 1. «Идеи антропологической школы не имели сколько-либо заметного распространения в дореволюционной России».

Это явное заблуждение. Его корни лежат в отождествлении криминальной антропологии (ведущей свою генеалогию, как минимум, со времен Лафатера, Пинеля и Галля) и первоначального учения Чезаре Ломброзо (1836–1909) о преступнике как особом антропологическом типе. Между тем «туринская школа», которую основал и возглавил Ломброзо, являлась лишь одним из направлений уголовно-антропологических учений, неоспоримыми достоинствами которой являлись: а) перемещение исследовательского внимания с явления преступности в целом на основной ее элемент — преступника¹ и б) методологическое новаторство, проявившееся, в частности, в том, что впервые в истории Ломброзо произвел *массовое и многоаспектное* обследование заключенных-преступников в нескольких тюрьмах Италии. Что же касается степени последовательности исходных теоретических посылок и убедительности сделанных на их основе выводов, то они и при жизни Ломброзо, и после его ухода вполне справедливо и убедительно критиковались и зарубежными² и рос-

¹ На 6-м Международном конгрессе криминальной антропологии, проходившем в Турине в 1906 году, профессор Ван-Гамель из Амстердама сравнил «двух Цезарей правовых реформ» — Цезаря Беккариа и Цезаря Ломброзо: «Один в восемнадцатом веке, когда царил произвол, сказал Человеку: «Познай справедливость»; другой в наше время, когда дух законов и магистратов, кажется, кристаллизуется в форме условности, говорит судьям: «Познай человека»». Цит. по: Lacassagne A. Cesare Lombroso (1836–1909) // Archives d'anthropologie criminelle, de médecine légale et de psychologie normale et pathologique. 1909. Vol. 24. P. 881.

² См., напр.: Вульферт А. К. Оценка доктрины Ломброзо после его смерти главнейшими представителями позитивной школы уголовного права в Италии //

сийскими исследователями¹, отмечавшими также несовершенство и методической составляющей научной деятельности «туринцев». При этом, как указывал выдающийся отечественный врач-психиатр В. М. Бехтерев (кстати, активно интересовавшийся проблемами криминальной антропологии, участвуя в работе нескольких уголовно-антропологических конгрессов), «каковы бы ни были ошибки Ломброзо в его выводах, несомненно, что он открыл своими работами новый путь к многочисленным исследованиям в этой области»².

Напротив, несопоставимо большей популярностью в дореволюционной России обладали теоретические построения французского психиатра Бенедикта Огюстена Мореля (1809–1873). Именно его учение о «вырождении» стало тем стержнем, вокруг которого концентрировались взгляды большинства российских специалистов (причем, как врачей, так и юристов) на проблему изучения личности преступника и причин индивидуального преступного поведения³.

Тезис № 2. «Раннесоветскую криминологию 1920-х гг. отличал явный «ломброзианский» уклон. И именно по этой причине научные учреждения криминологического профиля в нач. 1930-х гг. были реорганизованы, частично ликвидированы, а криминологическая наука прекратила свое существование».

Действительно, криминологию в первые годы советской власти отличала традиция, преемственность во взглядах со своими дореволюционными предшественниками, тем более, что многие из них продолжили свои исследования и при новом режиме. В большей

Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. 1911. Вып. II–III (VIII–IX). С. 225–248.

¹ В частности, Д. А. Дриль — признанный глава русской уголовно-антропологической школы — называл гипотезу о существовании особого, «преступного» типа людей «ахиллесовой пятой» итальянской школы. См.: Дриль Д. А. Наука уголовной антропологии, ее предмет и задачи // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 1. С. 14.

² Бехтерев В. М. Значение Ломброзо в вопросе о преступности // Запросы жизни. Еженедельный вестник культуры и политики. 1909. № 9. С. 9.

³ Beer D. Renovating Russia: The human sciences and the fate of liberal modernity, 1880–1930. Cornell University Press, 2008. Pp. 103–110.

степени это, конечно, касается врачей (В. А. Внуков, П. Б. Ганнушкин, Е. К. Краснушкин, Т. Е. Сегалов и др.). Все они, а также многие другие специалисты-медики являлись сотрудниками криминологических кабинетов, активно создававшихся в первой пол. 1920-х гг. Поэтому тематика и масштабы исследований в области изучения биопсихофизиологической стороны не только преступников, но и маргиналов в целом, действительно, составляли значительную часть всех криминологических исследований в стране¹.

Тем не менее, как уже было сказано, российскую криминологическую традицию и подходы туринской школы не связывало практически ничего, за исключением пересечения в некоторых методах исследования. Однако при очень сильном желании усмотреть реальное наследие Ломброзо (а не мнимое, как это делалось на рубеже 1920–1930-х гг.) в советской криминологии первого десятилетия ее существования все-таки можно. Оно проявилось в стремлении приблизить ученых непосредственно к предмету их исследования — заключенным-преступникам. В этом отношении советская наука была, бесспорно, передовой: за рубежом уже функционировали научные лаборатории и даже институты *при тюрьмах*², *но в РСФСР впервые были созданы пенитенциарные учреждения при научно-исследовательских*. Речь идет о криминологической клинике при Москов-

¹ См.: Beer D. Blueprints for change: the human sciences and the coercive transformation of deviants in Russia, 1890–1930 // Osiris. 2007. Т. 22. № 1. Pp. 26–47.

² Первый в мире криминологический институт был создан 6 июня 1907 г. в Аргентине при тюрьме Буэнос-Айреса. В том же году в Брюсселе (Бельгия), сначала при тюрьме Минимес, а затем с января 1911 г. при новой тюрьме Forest открывается лаборатория пенитенциарной антропологии, возглавляемая проф. Верваком. В 1919 г. был создан первый европейский криминологический институт в Лиссабоне (Португалия), в 1922 г. — в Париже (Франция), в 1924 — в Испании. В 1922 г. в Вене создается Институт уголовно-криминалистических знаний, в котором читаются теоретические курсы и ведутся практические занятия, в т. ч. и по криминальной антропологии, криминальной психологии, криминальной социологии и биологии. См.: Бехтерев Ю. Экспериментальный пенитенциарный институт (К открытию Экспериментального пенитенциарного отделения Государственного Института по изучению преступности и преступника в г. Москве) // Советское право. 1926. № 6. С. 120.

ском кабинете по изучению личности преступника и преступности, созданной в декабре 1923 г. на базе Арбатского арестного дома¹, и об экспериментально-пенитенциарном отделении (ЭКСПОГИПП) при Государственном институте по изучению преступности и преступника (ГИИПП), открытом в октябре 1926 г. на территории Ивановского исправдома в Москве².

Поэтому действительно имевшая место ориентация на изучение не только общих факторов преступности, но и личности самого деятеля преступления, была не причиной, а лишь поводом для нападков на ГИИПП и сеть подчиненных ему криминологических кабинетов. Причина же заключалась в междуведомственной борьбе между руководством Наркомата внутренних дел РСФСР, которому подчинялся ГИИПП (его руководитель Е. Г. Ширвиндт являлся, одновременно, начальником Главного управления местами заключения НКВД РСФСР и начальником войск конвойной стражи СССР), с одной стороны, и Наркомата юстиции РСФСР (Н. М. Янсон и Н.В. Крыленко) и Коммунистической академии (Е. Б. Пашуканис) — с другой, за контроль над системой мест лишения свободы и приоритет в области планирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики. Поэтому обвинения представителей коалиции Наркомюста и Комкадемии в адрес сотрудников ГИИПП и криминологических кабинетов являлись лишь одним из способов давления на руководство НКВД с целью ослабления позиций наркомата в целом³.

Тезис № 3. «И. С. Ной выступал в качестве популяризатора биокриминологических исследований и фактического реаниматора учения Ломброзо о «прирожденном преступнике»».

¹ Гернет М. Н. Первые за границей и первая в СССР лаборатории по изучению преступности // Изучение личности преступника в СССР и за границей. Москва, 1925. С. 18.

² Спасокукоцкий Н. Деятельность Государственного института по изучению преступности и преступника // Проблемы преступности. Вып. 2. Москва, 1927. С. 246; Бехтерев Ю. Указ соч. С. 119–124.

³ Ряд аспектов этой проблемы подробно разбирает М. А. Погорелов в своей диссертации. См.: Погорелов М. А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2022. С. 356–380.

В действительности, судя по текстам его работ, профессор Ной, конечно же, не являлся «главным советским биокриминологом». Свою миссию, на наш взгляд, он вполне отчетливо сформулировал в работе «Методологические проблемы советской криминологии», а именно — возвращение к ее истокам, к позитивному опыту раннесоветских криминологов в части методологии изучения преступников, а также к ряду их теоретических выкладок. В этой книге был осуществлен первый за многие десятилетия анализ тематики криминологических исследований 1920-х гг., их теоретической и методологической составляющей¹. Рецепцию же «ломброзианских» взглядов в трудах Ноя можно усмотреть лишь при крайне поверхностном знакомстве с трудами представителей уголовно-антропологического течения в целом.

Другое дело, как полагал И. С. Ной, генетическая наука способна дать ответ на вопрос о том, «в какой мере в прирожденных программах поведения преступников..., проявляются социальные инстинкты, имеющие криминогенное значение»². Однако даже на сегодняшний день наука не обладает достаточными свидетельствами в пользу сугубо генетической и вообще *исключительно наследственной* обусловленности наиболее экстремальных форм человеческого поведения, в частности, насилия. Тем не менее, тезис о том, что различные биопсихофизиологические аспекты личности индивидуума играют значительную роль в формировании у него склонности к агрессии, получает со временем все большее подтверждение³.

Тезис № 4. «Точка зрения профессора Ноя была поддержана лишь его немногочисленными коллегами и учениками. Большинство же советских криминологов не только не разделяло этих взглядов, но и категорически их отвергало».

¹ Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 7–41.

² Там же. С. 143.

³ См., напр.: Кудрявцева Н. Н., Маркель А. Л., Орлов Ю. Л. Агрессивное поведение: генетико-физиологические механизмы // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2014. Т. 18. № 4–3. С. 1133–1155; Bedoya A. C., Portnoy J. Biosocial criminology: history, theory, research evidence, and policy. Victims & Offenders. 2022. Pp. 1–31.

На самом деле сходные с позицией саратовского исследователя суждения высказывали такие именитые советские специалисты в области уголовного права, криминологии и пенитенциарной деятельности, как: Г. А. Аванесов, Б. С. Волков, П. С. Дагель, Б. С. Никифоров, Н. А. Стручков, Б. С. Утевский и др.¹

Подводя итог, следует сказать, что вопрос о соотношении биологического и социального в личности преступника — это один из главных вопросов криминологии. Попытки дать ответ на него привели к возникновению первоначальных криминологических концепций, а возвращение к нему всегда существенно изменяло вектор развития криминологии, причем не только у нас, но и, например, в США². И заслуга И. С. Ноя в возобновлении в СССР не только дискуссии, но и эмпирических³ исследований на данную тему несомненна.

Что же касается вынесенной в заглавие статьи *оценки личности* Иосифа Соломоновича Ноя, то в этой связи хотелось бы упомянуть книгу известного пермского историка и культуролога О. Л. Лейбовича⁴. Факты и обстоятельства, представленные в одной из глав данной работы (посвященной анализу архивных документов, относящихся к периоду трудовой деятельности И. С. Ноя в Молотовском гос. университете⁵ в 1949–1953 гг.) в значительной степени помогают нам

¹ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Москва, 1991. С. 247–248; Ной И. С. Указ. соч. С. 122–123.

² Там в 1930–1950-х гг. возникла, пожалуй, не менее ожесточенная полемика между самым влиятельным на тот момент американским криминологом Эдвином Сатерлендом и исследователями (являвшимися одновременно супругами) Шелдоном и Элеонорой Глюк. Сатерленд использовал весь свой научный авторитет, чтобы принизить реальную научную значимость трудов своих оппонентов, придерживавшихся в противовес ему многофакторного подхода в трактовке причин индивидуального преступного поведения. См.: Laub J. H., Sampson R. J. The Sutherland-Glueck debate: On the sociology of criminological knowledge // American Journal of Sociology. 1991. Т. 96. № 6. Рр. 1402–1440.

³ См., напр., работу ученика И.С. Ноя: Емельянов В.П. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями. Саратов, 1980. С. 9–32.

⁴ См.: Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. Москва, 2008. С. 215–262.

⁵ Ныне — Пермский государственный научно-исследовательский университет (ПГНИУ).

получить ответы на вопросы, а почему все-таки Иосиф Соломонович вступил в дискуссию о соотношении биологического и социального в личности преступника, почему она длилась так долго и почему приобрела в отдельные периоды своего развития столь ожесточенный и непримиримый характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахарев, Д. В. «Биологическое vs социальное» — реальная или мнимая дилемма отечественной криминологии? (К юбилею книги Н. П. Дубинина, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева «Генетика, поведение, ответственность») / Д. В. Бахарев. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2022. — № 4. — С. 5–19.
2. Бехтерев, В. М. Значение Ломброзо в вопросе о преступности / В. М. Бехтерев. — Текст : непосредственный // Запросы жизни. Еже-недельный вестник культуры и политики. — 1909. — № 9. — С. 8–11.
3. Бехтерев, Ю. Экспериментальный пенитенциарный институт (К открытию Экспериментального пенитенциарного отделения Государственного Института по изучению преступности и преступника в г. Москве) / Ю. Бехтерев. — Текст : непосредственный // Советское право. — 1926. — № 6. — С. 119–124.
4. Вульферт, А. К. Оценка доктрины Ломброзо после его смерти главнейшими представителями позитивной школы уголовного права в Италии / А. К. Вульферт // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. — 1911. — Вып. II–III (VIII–IX). — С. 225–248. — Текст : непосредственный.
5. Гернет, М. Н. Первые за границей и первая в СССР лаборатории по изучению преступности / М. Н. Гернет // Изучение личности преступника в СССР и за границей. — Москва : Изд-во Мосздравотдела, 1925. — С. 7–20. — Текст : непосредственный.
6. Грэхэм, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхэм ; пер. с англ. — Москва : Политиздат, 1991. — 480 с. — Текст : непосредственный.
7. Даурова, Т. Г. Ной Иосиф Соломонович : Человек, Ученый, Гражданин (к 85-летию со дня рождения) / Т. Г. Даурова. — Текст : непосредственный // Российский криминологический взгляд. — 2008. — № 1. — С. 34–47.

8. Дриль, Д. А. Наука уголовной антропологии, ее предмет и задачи / Д. А. Дриль. — Текст : непосредственный // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. — 1904. — Вып. 1. — С. 12–20.
9. Емельянов, В. П. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями / В. П. Емельянов ; под ред. И. С. Ноя. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1980. — 97 с. — Текст : непосредственный.
10. Кудрявцева, Н. Н., Маркель, А. Л., Орлов, Ю. Л. Агрессивное поведение : генетико-физиологические механизмы / Н. Н. Кудрявцева, А. Л. Маркель, Ю. Л. Орлов. — Текст : непосредственный // Вавиловский журнал генетики и селекции. — 2014. — Т. 18. — № 4–3. — С. 1133–1155.
11. Лейбович, О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. / О. Л. Лейбович. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 295 с. — Текст : непосредственный.
12. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. Том 1. Общая часть в 3 кн. Кн. 3 : учебник для вузов / В. В. Лунеев. — Москва : Юрайт, 2023. — 413 с. — Текст : непосредственный.
13. Милюков, С. Ф. Ной, не Ной, а работать надо! (к 90-летию Иосифа Соломоновича Ноя) / С. Ф. Милюков // Криминология : вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 1(28). — С. 42–46. — Текст : непосредственный.
14. Погорелов, М. А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук / М. А. Погорелов ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — Москва, 2022. — 441 с. — Текст : непосредственный.
15. Спасокукоцкий, Н. Деятельность Государственного института по изучению преступности и преступника / Н. Спасокукоцкий. — Текст : непосредственный // Проблемы преступности. Сборник. — Вып. 2. — Москва : Изд-во НКВД РСФСР, 1927. — С. 233–247.
16. Bedoya, A. C., Portnoy, J. Biosocial criminology : history, theory, research evidence, and policy / A. C. Bedoya, J. Portnoy // Victims & Offenders. — 2022. — Pp. 1–31.
17. Beer, D. Blueprints for change : the human sciences and the coercive transformation of deviants in Russia, 1890–1930 / D. Beer // Osiris. 2007. — Т. 22. — № 1. — Pp. 26–47.
18. Beer, D. Renovating Russia : The human sciences and the fate of liberal modernity, 1880–1930 / D. Beer. — Cornell University Press, 2008. — 229 p.

19. Lacassagne, A. Cesare Lombroso (1836–1909) / A. Lacassagne // Archives d'anthropologie criminelle, de médecine légale et de psychologie normale et pathologique. — 1909. — Vol. 24. — Pp. 881–894.
20. Laub, J. H., Sampson, R. J. The Sutherland-Glueck debate : On the sociology of criminological knowledge / J. H. Laub, R. J. Sampson // American Journal of Sociology. — 1991. — T. 96. — № 6. — Pp. 1402–1440.